

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК

Авторы: В. Б. Крысько

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК, язык восточнославянского населения [Древнерусского государства](#) (сер. 9 – 1-я треть 12 вв.) и рус. земель и княжеств 12–14 вв., т. е. язык др.-рус. этнической общности в период её становления, консолидации и распада; общий предок рус., укр. и белорус. языков.

Сведения о Д. я. периода до 11 в. могут быть почерпнуты только из косвенных источников – заимствований в соседних языках, прежде всего финно-угорских, и свидетельств о Д. я. иностр. авторов (в частности, в сочинении [Константина VII Багрянородного](#) «О народах»). От 10 в. дошли также единичные, лингвистически малоинформативные надписи (на корчаге из Гнёздова, на монетах).

С 11 в. появляются письм. памятники Д. я. (кириллические) – собственно др.-русские и русско-церковнославянские (см. [Церковнославянский язык](#)). К первым относится большинство грамот (к нач. 21 в. известно ок. 1000 [берестяных грамот](#) и ок. 150 пергаменных грамот 11–14 вв.), мн. записи в рукописных книгах и надписи, в т. ч. [граффити](#). Собственно др.-рус. памятники делового и бытового характера (прежде всего берестяные грамоты) отражают лексич., фонетич. и грамматич. черты Д. я., в них нередки диал. особенности и весьма немногочисленны церковнославянизмы. Наддиалектная форма Д. я. (возможно, основанная на говоре Киева) функционировала в качестве языка офиц. документов (грамоты, [Русская правда](#), [княжеские уставы 10–12 вв.](#)). Группу рус.-церковнославянских памятников составляют некоторые грамоты, записи и надписи и в особенности рукописные книги. Выделяются: церковные книги, тексты которых представляют собой вост.-слав. списки с южнославянских, в осн. болгарских, оригиналов (являющихся гл. обр. переводами греч. книг); др.-рус. переводы с греч. яз.; оригинальные др.-рус. сочинения (летописи, историч., агиографич., проповеднич., юридич. тексты). Книги с точки зрения объёма во много раз превосходят все остальные источники (сохранилось ок. 1000 др.-рус. рукописей, включающих десятки и сотни страниц текста). Среди важнейших книжных памятников: [Остромирово Евангелие](#) (1056–57), [Изборник Святослава 1073](#) и [Изборник 1076](#), [Архангельское Евангелие](#) (1092), [Новгородские служебные минеи](#) (1095–97), Путятина минея и Синайский патерик (11 в.), Мстиславово Евангелие и Ильина книга (рубеж 11–12 вв.), Юрьевское, Добролюво и Галицкое Евангелия (12 в.), Студийский устав и Выголексинский сборник (кон. 12 в.), Успенский и Троицкий сборники (рубеж 12–13 вв.), Новгородская 1-я летопись (части 13 и 14 вв.), Новгородская кормчая (кон. 13 в.), Пандекты Никона Черногорца в списках 13 и 14 вв., «Краткая хроника» [Георгия Амартола](#) (1-я пол. 14 в.), многочисл. Прологи в списках 13 и 14 вв., Мерило Праведное, Палея и Сильвестровский сборник (2-я пол. 14 в.), Чудовский Новый Завет (14 в.), [Лаврентьевская летопись](#) (1377), [Ипатьевская летопись](#) (ок. 1425; содержит летописные записи до кон. 13 в.); см. также [Памятники письменности русского языка 10–17 вв.](#) Рус.-церковнославянские памятники написаны на церковнославянском языке рус. извода, выступавшем в качестве книжно-лит. языка Древней Руси. Он включает как органич. часть мн. русизмы (вост.-славянизмы). Эти др.-рус. языковые черты – как общие для всех вост.-слав. диалектов, так и диалектно ограниченные – проявляются в рус.-церковнославянских памятниках, на фоне церк.-слав. особенностей, в разной степени: в текстах религ. содержания – лишь в качестве вкраплений (более или

менее многочисленных), в оригинальных светских текстах (в особенности в летописях) – в значит. полноте.

Большинство дошедших до нас памятников (в т. ч. берестяных грамот) написано на территории Новгородской земли; их лучшая сохранность по сравнению с памятниками др. территорий Древней Руси объясняется как историческими (незатронутость Новгорода монголо-татарским нашествием), так и природными (качество почвы, в которой сохраняется береста) условиями. Ряд памятников происходит из Галицко-Волынского кн-ва, Смоленска, Полоцка, Ростова Великого, Пскова, Твери, Рязани, Москвы, Нижнего Новгорода, возможно Киева. Неравномерность отражения диал. черт разл. территорий в письменности – причина недостаточности, порой односторонности наших знаний о диал. членении Д. я., в котором определённо выделяются: древний новгородско-псковский диалект, а также диалекты смоленский, полоцкий (зап.-русский), тверской, галицко-волынский (или в целом южнорусский, включая говор Киева), ростово-суздальский, позднее московский; относительно др. диалектов (рязанского, черниговского и т. д.) практически нет сведений.

Образуя вост.-слав. подгруппу древних славянских языков, Д. я. в целом либо на б. ч. своей диал. территории изначально отличался от западно- и/или южнослав. языков рядом фонетич. и морфологич. особенностей. На месте праславянских групп «гласный+плавный» в нём развились полногласные сочетания «гласный + плавный + гласный»: *gordъ > городъ (первое полногласие), *gъrdъ > гърдь (второе полногласие). Произошла лабиализация гласного в группах *telt, *tѣlt > *tolt, *tѣlt > tolot, tѣlt: молоко, пълнь. Возникла метамеза в группах «гласный+плавный» под нисходящей интонацией в начале слова: *ōrbъ>робъ. 3-я палатализация дала рефлекс *х в виде с' (вьсь). Группы согласных *kt перед *i, а также *tj перешли в «ч» (*rekti> речи, *mogti> *mokti>мочи, *xotjъ>хочу); *dj – в «ж» (*xodjъ> хожу); *stj, *skj – в ш'ч' (*prostъ > прощу); *zdj, *zgj – в «\widehat {ж'дж'» (*dъzgjъ > дъ[\widehat {ж'дж'}]); ср. в юж.-рус. памятниках написания типа «дъжчъ»). Взрывной перед l в рефлексах *dl, *tl утратился: *vedlъ, *pletlъ > вель, плель. Произошло изменение группы *dm > «м» («семь»; ср. «седмица»). Утратились носовые гласные: *ǫ > у, *e > 'а (*rǫtъ > путь, *redъ > рядъ). Гласный *ě в сочетании с носовым в конце словоформы изменился в ѣ (в некоторых флексиях: *zemjē ns > землѣ). Преим. вост.-слав. черта – употребление «о» и «у» в начале слова в соответствии с je и ju, более обычными в др. слав. языках [«озеро» (ср. польск. фамилию «Езерский»), «унъ» 'юный'].

Наиболее периферийным, архаичным и вместе с тем инновативным среди вост.-слав. диалектов был древний новгородско-псковский диалект. В нём не осуществилась 2-я палатализация, а также, по крайней мере для *х, 3-я палатализация (ср. новгородско-псковское «кэ ле», «вхъа» на месте общевосточнославянских «цэ лъ», «вься»). На некоторой части этой диал. территории сохранился взрывной перед l в рефлексах *dl, *tl с последующим переходом (в псковских говорах) в «гл», «кл» (напр., псковское «блюдали» 'блюдали', «учкле» 'учёл'). Упрощение общевосточнославянских сочетаний «ш'ч'», «\widehat {ж'дж'» происходило путём утраты конечного щелевого, т. е. перехода в «ш'т'», «ж'д'» с последующим изменением в «ш'к'», «ж'г'»: «игришке», «дъжгити». Упростились сочетания, возникшие в результате йотовой палатализации губных, а именно вл' > л', мл' > мн' > н': «Ярослалъ», «земню», «назень» 'долой'. В морфологии важнейшей отличит. чертой древнего новгородско-псковского диалекта было окончание -е в им. п. ед. ч. муж. рода *о-склонения (в т. ч. у форм местоимений, кратких прилагательных и причастий: «хлѣбъ», «саме», «дешеве», «пришьле»), исторически объясняемое влиянием мягкой разновидности склонения на твёрдую; это влияние имело место также в формах род. п. ед. ч. *а-склонения, им. и вин. п. мн. ч. *а- и *о-склонений («водѣ », «отрокѣ »). Для новгородско-псковского диалекта характерна обусловленная сохранением исконного противопоставления форм прямых падежей неразвитость

одушевлённости-неодушевлённости категории в ед. ч. муж. рода (ср. им. п. «отроке» – вин. п. «отрекъ»).

Важной особенностью этого диалекта, объединявшей его, однако, со смоленско-полоцкими и, возможно, также тверскими говорами, было цоканье. В псковских говорах, кроме того, не различались шипящие и свистящие (т. н. соканье) и нейтрализовалось различие между 'е и 'а в конце словоформы (заударное яканье).

В начале письм. эпохи вост.-слав. диалекты претерпевали сходную эволюцию, что свидетельствует об их совместном развитии. На фонетич. уровне на всей вост.-слав. территории сходным образом протекало падение редуцированных (11–12 вв.): слабые редуцированные были утрачены, а сильные вокализовались: «ъ» – в «о», а «ь» – в «е» (сънь > сон, льнь > лен 'лён'). Кроме того, во всём вост.-слав. ареале, очевидно, имели место переход «е» > «о» после исконно мягких согласных («чоловэкъ») и смягчение заднеязычных в сочетаниях «гы», «кы», «хы», которые перешли в «ги», «ки», «хи».

Однако наметились и диал. различия. Т. н. напряжённые редуцированные (варианты фонем «ъ», «ь» и «ы», «и» в положении перед j) на севере и северо-востоке вост.-слав. территории, так же как и перед др. согласными, изменились в сильной позиции в «о», «е», тогда как на западе и юге совпали с «ы», «и» (ср. рус. «мою», «шея», «живой» – укр. «мюю», «шия», «живий», белорус. «мюю», «шыя», «жывы»). Различными были и следствия падения редуцированных; в частности, в памятниках, созданных на юге Руси, наблюдаются такие специфич. черты, как возмездительное (компенсирующее утрату слабых редуцированных в следующем слоге) продление «е» и «о» [«учэнье» (т. н. новый ять), «воотьця» 'отца', «грэхувъ» (-xōv > -x\widehat{yo}v > -хув)] и совпадение «и» и «ы» («стидахуся» вместо «стыдахуся», «азь грэшнии» вместо «азь грэшнии»). На более широкой диал. территории фиксируются смешение «в» и «у», продиктованное изменением исконно билабиального «w» > «у» (въстокъ > устокъ), и переход сочетаний типа trȳt через стадию trĭt в tryt (в юж. и зап. говорах: «дрыва», «блыха»). В ряде вост.-слав. диалектов (включая сев.-русские) после падения редуцированных развилась особая фонема ô («о» закрытое). По-разному на юге и севере вост.-слав. территории проходили процессы ассимиляции и изменений согласных в конце словоформы. В позднерусский период развивались такие ограниченные лишь отд. вост.-слав. ареалами явления, как аканье, отверждение шипящих и аффрикат, разл. изменения «\widehat{ж'дж'» и «ш'ч'». Некоторые диал. фонетич. черты, со значит. степенью уверенности возводимые к периоду после падения редуцированных (напр., спирантизация «г» в юж. и зап. говорах), не имеют надёжного отражения в др.-рус. письменности.

На морфологич. уровне в Д. я. осуществились следующие осн. изменения. В ед. ч. имён существительных произошла внутривидовая унификация, связанная с тенденцией к объединению слов одного рода в одном склонении (лишь жен. род остаётся в пределах двух склонений). Категория дв. ч. утратилась. Во мн. ч. осуществилась межродовая унификация – существительные всех 3 родов закрепили омонимичные формы им.-вин., вин.-род. падежей и формы дат., местного и тв. падежей на -ам, -ах, -ами; соответственно категория одушевлённости-неодушевлённости приняла универсальный характер, распространившись на все существительные во мн. ч. У имён прилагательных и местоимений во мн. ч. исчезли родовые различия. Именные (нечленные) формы прилагательных, для которых основной стала функция сказуемого, утратили склонение, сохранив лишь форму им. падежа. Аналогичное развитие у причастий привело к образованию деепричастий. Числовые обозначения эволюционировали в сторону всё большего обобщения морфологич. и синтаксич. свойств. Система глагольных времён претерпела существенную редукцию – утратились имперфект, аорист, плюсквамперфект, и их функции перешли к перфекту, который стал использоваться без связки (шьль

еси > шёл); см. [Время](#) (в языкознании). Оппозиция «сов. вид – несов. вид» приобрела более последоват. характер в связи с развитием средств имперфективации, прежде всего суффиксов -ва-, -ыва-. Утратился [супин](#) (хотя супинные конструкции с формой род. п. зависимого имени продолжали употребляться и в последующий период).

На фоне развития всё новых диал. черт в позднерусский период, напротив, наблюдается сглаживание наиболее характерных отличий др.-новгородского диалекта, сближающегося с др. диалектами Сев. и Вост. Руси.

В результате перечисленных языковых изменений, а также вследствие экстралингвистич. факторов (прежде всего распада единого Др.-рус. гос-ва, завоевания значит. части вост.-слав. земель монголо-татарами в 13 в. и перехода юж. и зап. рус. земель к Вел. кн-ву Литовскому и Польше в 14 в.) Д. я. как относительно единый [идиом](#), переживавший общие языковые изменения, перестал существовать, распавшись на 3 осн. языковые области – великорусскую, украинскую и белорусскую, отд. история которых – соответственно как старорусского (среднерусского), староукраинского и старобелорусского языков – начинается в 14–15 вв.

Литература

Лит.: Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. П., 1915. М., 2002; он же. Историческая морфология русского языка. М., 1957; Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969; он же. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000; Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. М., 2000–2006–. Т. 1–4–; Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. М., 2004–2006. Т. 1–2; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Словари: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1892–1912. Т. 1–3 и Дополнения. М., 2003; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2006–. Вып. 1–27–; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–2004–. Т. 1–7–.